

Поступок как форма психологического изображения
в прозе об эпохе Большого террора
(«Дело Тулаева» В. Сержа
и «Мнимые величины» Н. Нарокова)

Евгения А. Белоусова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, evghel131@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению категории поступка – основополагающей при изучении литературного героя. Методологически продуктивными в этой связи оказываются достижения смежных гуманитарных дисциплин (психологии, социологии, философии) в понимании индивида и его отношений с миром. В качестве материала для анализа выбрана проза об эпохе Большого террора, особенно репрезентативная с точки зрения эстетики индивидуально-авторского запечатления героя в экстремальных условиях. На примере «Дела Тулаева» В. Сержа и «Мнимых величин» Н. Нарокова рассмотрены типы поведения нескольких групп персонажей: наделенных властью, претендующих на свободное мышление и заключенных. Предпринята попытка проследить соотношение внешней и внутренней свободы героев в условиях тоталитаризма, переходя от фигур с наибольшим потенциалом возможностей к персонажам бесправным. Кроме того, внимание уделено феномену внешнего и внутреннего конформизма как продукту эпохи, с одной стороны, и следствию сугубо личностных проявлений – с другой.

Ключевые слова: В. Серж, Н. Нароков, поступок, междисциплинарный подход, конформизм, психологизм, Большой террор

Для цитирования: Белоусова Е.А. Поступок как форма психологического изображения в прозе об эпохе Большого террора («Дело Тулаева» В. Сержа и «Мнимые величины» Н. Нарокова) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. Ч. 2. С. 226–235. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-226-235

An act as a form of psychological representation
in prose about the era of the Great Terror
(“Tulaev’s Case” by V. Serge
and “Imaginary Quantities” by N. Narokov)

Evgenia A. Belousova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
evgbel131@mail.ru*

Abstract. The article deals with the consideration of the category of action – a fundamental one in the study of a literary character. Methodologically productive in this regard are the achievements of related humanities (psychology, sociology, philosophy) in understanding the individual and his relationship with the world. As a material for analysis, prose about the era of the Great Terror was chosen, which is especially representative from the viewpoint of the aesthetics of the author’s individual imprinting of the character in extreme conditions. Example of “Tulaev’s Case” by V. Serge and “Imaginary Quantities” by N. Narokov is used to consider the behavior types of several groups of characters: those with power, claiming to be free thinking and prisoners. An attempt is made to trace the correlation of the external and internal freedom of the characters in the conditions of totalitarianism, moving from figures with the greatest potential of possibilities to disenfranchised characters. In addition, attention is paid to the phenomenon of external and internal conformism as a product of the epoch, on the one hand, and the consequence of purely personal manifestations, on the other.

Keywords: V. Serge, N. Narokov, act, interdisciplinary approach, conformism, psychologism, Great Terror

For citation: Belousova, E.A. (2020), “An act as a form of psychological representation in prose about the era of the Great Terror (‘Tulaev’s Case’ by V. Serge and ‘Imaginary Quantities’ by N. Narokov)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, part 2, pp. 226–235, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-226-235

Категория поступка – основополагающая при изучении литературного героя. По словам М.М. Бахтина, это особый элемент поведения, который позволяет осмыслить сущность персонажа в окружающем мире, характеризует личность как совокупность не только нравственных, но и социально опосредованных установок [Бахтин 2003, с. 67–68]. Единого подхода к анализу поступков, совершаемых в художественных произведениях, наука о литературе не выработала до сих пор. Одни ученые разделяют феноменологию

ческую концепцию поступка [Кришталева 2010], другие относят его к формам психологического изображения [Селезнева 2006].

Ввиду того, что специфика мотивов и эмоциональных состояний героев, как правило, соответствует особенностям развития и функционирования психики человека в социуме, смежные гуманитарные области знания (философия, психология, социология) могут дать методологически продуктивные выводы для собственно литературоведческого анализа произведения и его последующей интерпретации, междисциплинарной в своей основе. Так, психологи сходятся в том, что причины поступка обусловлены необходимостью удовлетворения внутренней потребности личности либо ее попыткой разрешить борьбу душевных мотивов и окружающей среды. Специфику психологического анализа поступка в этом случае определяет взаимодействие его внешних и внутренних форм, интеллектуальных и социальных условий. С точки зрения социологии, в поступке, который являет собой оцениваемый обществом акт поведения, побуждаемый осознанными мотивами, находят отражение нравственные ориентиры человека. Это результат взаимодействия общественных и индивидуальных факторов в соответствии с характером эмоциональности (от целерациональных к аффективным)¹. В философско-эстетическом измерении поступок тесно связан с категорией ответственности и воспринимается как мерило ценностного бытия личности [Бахтин 2003]. Жизнь тоже расценивается как поступок (причастность бытию), обладающий онтологическим статусом.

Разделяя тезис Р.Л. Красильникова о том, что «литература – одно из главных средств семиотизации поступка, его выделения из потока жизни, фиксации в культурной памяти» [Красильников 2010, с. 70–80], и принимая за основу исследования комплексный и системный методы анализа текста, обратимся к прозе об эпохе Большого террора. Данный художественный материал представляется нам особенно репрезентативным в аспекте изучения поступка как формы психологического изображения с позиций экзистенциальной философии в целом (в «пограничной ситуации человек постигает правду о мире и о себе» [Цехановская 1987, с. 131]) и эстетики индивидуально-авторского запечатления героя в экстремальных условиях (его сознания, поведения) в частности.

¹ Вебер М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. П.П. Гайденко, М.И. Левина, А.Ф. Филиппова; сост., общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

* * *

Выбор конкретных произведений В. Сержа и Н. Нарокова также закономерен. Несмотря на уже отмечавшееся сходство между этими авторами², специальное сравнение «Дела Тулаева» (1948³) и «Мнимых величин» (1952) в литературоведении отсутствует. Между тем оба романа отражают реалии советской тоталитарной системы 1930-х гг., показывают губительное влияние режима на личность и в то же время его обреченность. Речь здесь идет не о контактных связях между писателями, имевшими разные политические и мировоззренческие установки, а о типологических сходениях в раскрытии темы сталинских репрессий, прежде всего – на персонажном уровне.

В «Деле Тулаева» и «Мнимых величинах» представлены типы поведения нескольких групп персонажей. Для нас важно проследить соотношение внешней и внутренней свободы героев в условиях тоталитаризма, переходя от фигур с наибольшим потенциалом возможностей (власть имущие) к персонажам бесправным (заключенные). Несмотря на то что «Мнимые величины» написаны позднее «Дела Тулаева», которое сначала вышло небольшим тиражом на французском языке, но осталось почти незамеченным, мы начинаем разговор именно с них, поскольку русскоязычный читатель за границей познакомился с этим текстом на двадцать лет раньше. При этом в России произведения были опубликованы почти одновременно: в 1990 и 1989 гг. соответственно.

В романе Н. Нарокова группа персонажей, наделенных властью, представлена Семеновым-Любкиным, начальником Областного управления НКВД, и его заместителем Павлом Супруновым. В мотивировке своих поступков Семенов-Любкин часто снимает с себя ответственность, перекладывает ее на «власть». Он действует не слепо, осознавая абсурдную жестокость политики «уничтожения врагов народа», однако персонаж успокаивает себя тем, что чувствует силу, перед которой он сам – ничто. Если рассматривать

² Так, Р. Гуль в рецензии на роман Н. Нарокова «Мнимые величины» писал: «Это интересная книга. “Недостаток” ее только в том, что до нее вышли два романа на ту же тему... Я имею в виду “Darkness at noon” Артура Кёстлера и “L’Affaire Toulaev” Виктора Сержа. Тема “Мнимых величин” та же – “большевизм и человек”» (*Гуль Р.* [Рецензия] // Новый журнал. 1953. № 33. С. 306–307).

³ Роман создавался в 1940-е гг. Первое издание на французском языке – 1948 г.: *Serge V. L’Affaire Toulaev*. P.: Editions de Seuil, 1948. 468 p.; первое издание на русском языке – 1972 г.: *Серж В.* Дело Тулаева / Пер. с фр. Э. Грей. P.: Ed. de la Seine, 1972. 472 с.

поступок в рамках марксистской психологии, соответствующей историческому моменту описываемых событий, как картезианское пространство в проекциях «ответственность – свобода – самостоятельность» [Леонтьев 1975], можно отметить, что недостаточная сформированность ответственности приводит к девиации личностного развития героя. Павел Супрунов, в свою очередь, не критичен к себе и не прощает малейшие проступки других. Человеческая жизнь ничего не значит для героя: убийство не расценивается как преступление, если оно выгодно. В его случае конформное поведение, расчетливое приспособление под идеологически чуждые, но комфортные обстоятельства свидетельствует о неосознанном – и тем более опасном – внутриличностном конфликте.

Роман В. Сержа «Дело Тулаева» включает аналогичную группу персонажей: Максима Андреевича Ершова – народного комиссара госбезопасности НКВД, и Артема Артемовича Макеева – секретаря курганского областного комитета. Первый изображен честным, не жалеющим своих сил ради дела партии человеком, но и он оказывается внутренне расколотой личностью. Нарком сознательно изгоняет все, что связано с работой, из своей домашней среды обитания, наполненной противоположными в психологическом отношении условиями: только душ, еда и красивое женское тело. Тем самым герой избегает всего, что способно потревожить его расшатавшуюся от непомерных нагрузок психику. В отличие от него, Макеев – карьерист, приспособленец. Макеев самоутверждается в проявлениях собственной безнаказанности и в полученном праве управлять чужими судьбами. Его неоправданная жесткость может быть истолкована в терминах поведенческой психологии, как форма ухода от моральной дилеммы: «проективная агрессия» помогает отстраниться от внутриличностных переживаний.

Оба писателя воссоздают поведение героев одного исторического типа: искренние и преданные партийные функционеры (Любкин, Ершов) обречены на драматический внутренний раскол вследствие способности к саморефлексии, а персонажи, которые демонстрируют внешнюю конформность (Супрунов, отчасти Макеев), находят в официальной идеологии удобное прикрытие для своей жажды власти или насилия.

Поступки героев, не обремененных высокими постами, претендующих на свободное мышление, Н. Нароков иллюстрирует образами Григория Михайловича (отца главной героини) и Евлалии Григорьевны (идейного антипода Любкина). Григорий Михайлович ведет себя как конформист: в семье и среди друзей он ярый противник советской власти, а в отношениях с этой властью – ее беспринципный помощник. Тот факт, что подобная раздвоенность

не влечет за собой внутренний конфликт, объясняется как отсутствием воли у героя, так и нежеланием критически оценивать содеянное. Если рассматривать поступки Евлалии Григорьевны в русле гештальт-психологии [Левин 2000], в них обнаруживается отношение к явлениям окружающего мира как имеющим положительный или отрицательный заряд. Упрямство, столь нехарактерное для нее, но периодически проявляющееся в поведении, вызвано, судя по всему, неспособностью изменить значение этого заряда. Вместе с тем социальная психология свидетельствует о ценностно-рациональной мотивации поступков⁴ героини, которая руководствуется религиозными установками, а не личной выгодой.

Со своей стороны В. Серж в «Деле Тулаева» изображает героя-мечтателя Ромашкина, его соседа Костю, а также историка, в прошлом – члена ЦК, Кирилла Кирилловича Рублева. Ромашкин наделен добрым сердцем и способностью к рефлексии, но не в силах противостоять идеологическому давлению. Нерешительность лишает героя возможности действовать и отстаивать свои взгляды, а незначительное повышение по службе заставляет изменить себе, отказаться от «опасных» мыслей. Его сосед Костя, на первый взгляд, сохраняет внутреннюю идентичность. Но несправедливость окружающей действительности вынуждает героя реагировать на происходящее: незапланированное убийство видного партийного деятеля можно трактовать как почти бессознательную попытку (в типологии социального действия – аффективный поступок⁵) противостоять власти. Наконец, в Кирилле Рублеве представлен истинный революционер, до преклонных лет сохранивший веру в дело социализма. По отношению к власти у Рублева наблюдается сублимация как защитный механизм, при котором социально неодобряемые импульсы преобразуются в социально приемлемое поведение [Першин 2007]. Образ партии замещает в сознании персонажа фигуру Бога.

Как видно, герои, не обремененные высокими постами, обладают большей свободой действий, их поступки продиктованы по преимуществу личностными качествами. Тем не менее государственная политика страха и репрессий оказывает на них разрушительное влияние: стремление Кости к честности оборачивается убийством; сходное желание Евлалии Григорьевны и Ромашкина отгородиться от фальши создает предпосылки для «ухода в себя»; корыстные попытки Григория Михайловича извлечь пользу из обстоятельств толкают героя на обман и предательство.

⁴ Вебер М. Указ соч.

⁵ Там же.

В разговоре о воздействии тоталитарной системы на поведение героев, полностью лишенных свободы, мы не уделяем внимание эпизодическим персонажам, поскольку для анализа поступка необходимо видеть мотивы личности и понимать особенности характера. Допускаем также, что поведенческий портрет ряда героев, которые уже знакомы нам в ситуации свободного выбора, может быть углублен, если рассмотреть их в условиях неволи (Григорий Михайлович, Макеев, Рублев). Но для типологической репрезентативности обратимся к образам, которые раскрываются автором только в ситуации заключения и сопровождаются ретроспективной информацией об их поступках на протяжении жизни. Таковыми выступают Варискин («Мнимые величины») и Рыжик («Дело Тулаева»). Н. Нароков показывает губительность физического насилия для человеческой души. Попытки во время следствия и угроза смерти лишают героя идентичности, заставляют искать убежище в мнимой реальности: Варискин не только выдумывает свое преступление (участие в заговоре), но и сам начинает верить в него. По контрасту с ним персонаж В. Сержа принимает решение заморить себя голодом, чтобы не стать «винтиком» в руках следователей. Рыжик идет до конца и действует как внутренне свободная личность, поскольку не боится смерти, а значит, не может быть запуган и сломан тоталитарной машиной.

Герои, находящиеся под стражей, безусловно, разнятся в изображении двух авторов. Если в «Мнимых величинах» арестованный обречен на подчинение системе и потерю своего «Я», то в «Деле Тулаева» у персонажа сохраняется право на самоопределение и сопротивление внешнему давлению. Вероятно, в этом проявились не столько эстетические, сколько идейные расхождения между писателями с разными судьбами: В. Сержем (настоящая фамилия Кибальчич) – революционером, примкнувшим к троцкистам, для которого арест и тюрьма были не поражением, а испытанием идеалов личности, и Н. Нароковым (настоящая фамилия Марченко) – участником Белого движения, побывавшим в плену у большевиков, оставшимся после Гражданской войны на родине, а в годы Второй мировой – коллаборационистом, покинувшим страну вместе с отступившими из Киева немцами.

* * *

В прозе об эпохе Большого террора поступок как форма психологического изображения героя характеризует разноаспектные установки личности. В этой связи мы сочли возможным соотнести поведенческие особенности персонажей В. Сержа и Н. Нарокова с теми научными концепциями, которые описывают и объясняют

их не в одном («единственно верном»), а в нескольких измерениях. Методологический плюрализм и рациональная кооперация разнонаправленных, на первый взгляд, моделей анализа отвечают современной научной мысли: «Многообразие теоретических подходов стимулирует разработку разнообразных методов исследования такого сложного феномена, как личность» [Товмасын 2007, с. 158]. Следовательно, нет никакого противоречия в том, чтобы, говоря о проявлениях внешнего конформизма героев, апеллировать к бихевиоризму, а рассматривая персонажей, для которых характерен внутренний конформизм, – опираться на достижения марксистской психологии, которая оказывается более актуальной в условиях описываемых обоими авторами реалий. Когда литературоведческий инструментарий для изучения категории поступка не разработан должным образом, достижения смежных гуманитарных дисциплин (психологии, социологии, философии) в понимании индивида и его отношений с миром служат наиболее проверенным методологическим подспорьем. В конечном счете художественный психологизм непредставим без уяснения мотивов в поведении героев, динамики их душевных переживаний, наиболее осязаемое выражение которых дано читателю в поступке. Обращение к таким текстам, как «Мнимые величины» и «Дело Тулаева», обнаруживает, помимо прочего, неразрывную связь поведенческих особенностей персонажа с историческим временем и пространством, стимулирует наблюдения для осмысления внешнего и внутреннего конформизма как продукта эпохи (Супрунов, Ромашкин) и следствия сугубо личностных проявлений (Григорий Михайлович, Ершов, Макеев). Избежать конформного поведения удастся немногим. У Н. Нарокова это только Евлалия Григорьевна, а у В. Сержа – Рублев и Рыжик. Случаи, несомненно, разные, но в каждом – герой, требовательный к себе и ориентирующийся в собственных поступках на вневременные – моральные – ценности.

Литература

- Бахтин 2003 – Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. 722 с.
- Красильников 2010 – Красильников Р.Л. К проблеме героического в теории и истории литературы // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2010. № 2. С. 70–80.
- Кришталева 2010 – Кришталева Л.Г. Философия и этика поступка: структура и значение поступка в различных культурно-исторических обстоятельствах – опыт реконструкции. М.: ИФ РАН, 2010. 120 с.

- Левин 2000 – *Левин К.* Теория поля в социальных науках / Пер. Е. Сурпина. СПб.: Речь, 2000. 364 с.
- Леонтьев 1975 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Личность. Сознание. М.: Политиздат, 1975. 130 с.
- Першин 2007 – *Першин Ю.Ю.* Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования. Омск: СИБИТ, 2007. 148 с.
- Селезнева 2006 – *Селезнева М.А.* Поэтика характеров в «Рассказах 1922–1924 гг.»: Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 181 с.
- Товмасын 2007 – *Товмасын Р.М.* Проблема многообразия теоретических подходов в психологии: методологический аспект // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2007. № 3. С. 155–159.
- Цехановская 1987 – *Цехановская Л.* Экзистенциалистский аспект творчества Уильяма Стайрона // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1987. Вып. 771. С. 126–133. (Ученые записки Тартуского университета)

References

- Bakhtin, M.M. (2003), *Sobranie sochinenii: V 7 t.* [Collected works in 7 vols], vol. 1, Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Krasil'nikov, R.L. (2010), "On the issue of the heroic in the theory and history of literature", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of the Moscow University. Philology], Moscow, Russia, pp. 70–80.
- Krishtaleva, L.G. (2010), *Filosofiya i etika postupka: struktura i znachenie postupka v razlichnykh kul'turno-istoricheskikh obstoyatel'stvakh – opyt rekonstruktsii* [Philosophy and ethics of an act. The structure and meaning of an act in various cultural and historical circumstances – the experience of reconstruction], Institut filosofii RAN, Moscow, Russia.
- Leont'ev, A.N. (1975), *Deyatel'nost'. Lichnost'. Soznanie* [Activity. Personality. Conscience], Politizdat, Moscow, USSR.
- Levin, K. (2000), *Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh* [Field theory in the social sciences], Rech', Saint Petersburg, Russia.
- Pershin, Yu.Yu. (2007), *Fenomen sublimatsii: opyt filosofsko-antropologicheskogo issledovaniya* [The phenomenon of sublimation. The experience of philosophical and anthropological research], SIBIT, Omsk, Russia.
- Selezneva, M.A. (2006), *Poetika kharakterov v "Rasskazakh 1922–1924 gg."* [Poetics of characters in "Stories of 1922–1924"], Ph.D. Thesis (Philology), Tambov State University, Tambov, Russia.
- Tovmasyan, R.M. (2007), "The issue of diversity of theoretical approaches in psychology. Methodological aspect", *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetikaya* [Bulletin of Kostroma State University: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], Kostroma, Russia, pp. 155–159.

Tsekhanyovskaya, L. (1987), "The existentialist aspect of William Styron's creative work", *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Tartu State University], Tartu, Estonia, pp. 126–133. (*Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*)

Информация об авторе

Евгения А. Белоусова, магистрант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; evgbel131@mail.ru

Information about the author

Evgenia A. Belousova, master's student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; evgbel131@mail.ru